

ОТКРЫТАЯ КНИГА

Когда замирает или умалывается природная жизнь нации, обесцвечиваются народный быт, веками сложившиеся житейские обыкновения, стираются говоры, урбанизуется одежда,— искусство нации несет горькие, случается, невосполнимые потери.

Первой оскудевает литература. Она в этом случае живет, или навсегда оборотается к прошлому, в нем находя сюжеты и краски национальной жизни; или принимая к другим — пусть плодоносящим и сущим, но другим — пластам жизни, в которых ассимилирован сам писатель. Оскудевает язык, в лучшем случае бережно консервируя былой словарный корпус, но не обогащая его, не подпитывая из родников народной жизни.

Последней на исторических подмостках держится песня. Я бы сказал, песня умирает последней, если бы не был убежден, что она бессмертна. И не случайно сталинская клика, вознамерившись уничтожить еврейскую культуру и искусство нашей страны, не ограничилась физическим истреблением лучших писателей, но и разрушила еврейские театры, не пощадила ни один, в том числе и такой уникальный организм мировой театральной культуры, как московский ГОСЕТ. Пока на Малой Бронной печалился и погибал король Лир — Михоэлс, пока философствовал народный мудрец Тевье-молочник, пока на сцене взрывались «кружа головы», свадебные песни и танцы «Фрейлехс», — ничто еще не было потеряно, и за квартал до театрального подъезда спрашивали лишней билетик евреи и русские, москвичи и приезжие...

Я невольно вспомнил об этом, читая редкую во всех отношениях книгу Ивана Ивановича Ром-Лебедева «От цыганского хора к театру «Ромэн»», отрывки из которой печатались в журнале «Театр».

Лет двадцать тому назад в районе Старой Рузы мне довелось наблюдать сцену, полную внутреннего, скрытого напряжения и тайны, так и не раскры-

шейся тогда для меня. По пути к водохранилищу, куда мы ехали в машине Ивана Ивановича, первоклассного и самолюбивого мастера рыбалки, мы обогнали небольшой и нагой-то улыбка цыганский обоз, двигавшийся по мягкой обочине. Не сразу решившись, уже опередив обоз, Иван Иванович вдруг притормозил, вышел из машины, дожидаясь цыган. Сам природный цыган, высокий и красивый, по-актерски гладко выбритый, он о чем-то заговорил с вышагивавшими при поворотах усатыми цыганами. Они отвечали на ходу, без видимого энтузиазма, как-то небрежно «через губу», не проявляя почтения ни к нему, ни к его невольному, урчащему мотору в десятки лошадиных сил. Автомобиль стоял, а повозки, вечные странники, наждак при одном ионе, проезжали своей дорогой, не меняя шага, как оудто и не было на земле нас и статного горжанина-цыгана, зачем-то шагнувшего за ними по пыльной обочине. Он вернулся за руль примолкший и опечаленный, вновь обогнал обоз, уже не глядя в их сторону, и, вздохнув, сказал только: «Ну, что ты с ними сделаешь?»

Так есть ли цыганская национальная жизнь? Есть ли своя культурная жизнь у народа, против которого так ополчился Гитлер, намереваясь истребить его повсеместно, убить поголовно? И где она, эта жизнь во многих ли наших городах, где поселились бывшие таборные обитатели, где они живут, подчиняясь и не подчиняясь иным, новым расписаниям, новой регулярности труда и быта? Или она у непокорных интеллигентов, стремящихся жить так, как жили их предки, для которых домом был весь мир? Или в шумливых отпугивающих ватагах цыганок, налетающих на нас вдруг, стаями? Или, наконец, в театре «Ромэн» — средоточии многого самого яркого и талантливое в сегодняшнем искусстве цыган?

Были ли тогда под Старой Рузой Ром-Лебедев — артист, певец, драматург, истинный интеллигент — и встретившиеся ему гордые таборные упрямыцы детьми одной цыганской семьи или пути их разошлись навсегда?

Книга Ром-Лебедева помогла мне понять историческую целостность мира цыган, при всей его внешней резорванности, разобщенности, преодолеть которые, кажется, только и способно искусство.

Автор ведет рассказ с редким тщанием и непривычной для нас, светлых, неторопливостью, как неторопливо накапливал он без малого век драгоценный материал действительности, посвятив этому всего лишь... жизни! Материал не столько исследован им научно, хотя изучена всякая русская страница и строка о цыганах (а их — добрых, влюбленных строк — бездна!), сколько прожит и выстрадан.

Я затруднился бы определить жанр повествования Ром-Лебедева. Это и мемуары, причем в доброй классической традиции русских семейных записок XIX века, правдивых и простодушных, нанизывающих на временную нить домашние события, лица, характеры, были и поверья записок, не позволяющих «наружным» общественным событиям, пусть и очень значимым, бесцеремонно вторгаться в мир детства и отрочества, мир сказок и легенд. Память детства незаметно соединилась с опытом и знаниями взрослой поры, и мы узнаем о цыганских хорах Москвы и Петербурга XX века, о знаменитостях, о смене поколений в этих хорах так много, что мемуары перерастают в захватывающую и содержательную хронику жизни и творчества хоровых цыган России.

Нам открывается прежде всего не таборный, а городской быт цыган XX века. Но и он, городской, резко окрашен, колоритен, в нем не меньше яркости и сочности, чем в таборном, романтическом, по расхожему убеждению, существовании. И в нем «у каждого детей полная охапка», в нем живы легенды о фантастически сильных цыганах и их подвигах, о несравненных скрипачах и танцорах, о певцах и певицах, красавцах и красавицах, о щедрости и гостеприимстве, о знатных искусствах — кузнецах, лудильщиках, шорниках, творцах браслетов, колец, диковинных гробенок, о покорявших жизнь артистической братии, тех, кто навсегда предался городу, но и в благостных и в неспокойных ночных снах часто видит табор и зовущую, машущую, распластную и танцующую таборную жизнь. Табор цепко держит их память, продолжает питать их напевы и пляски, — именно хоровая песня, и прежде всего она, скрипяет воедино духовное существование столь разных по воле

судеб ветвей бессмертного цыганского древа.

Эта книга не только мемуары, но и своеобразная энциклопедия цыганского хорового и театрального искусства. Кажется, никто из тех, кто создавал знаменитые (и не знаменитые тоже!) цыганские хоры, кто солировал в них или писал для них, не забыт автором книги. И не просто упомянут — каждый обласкан внимательным и чуть тронутым печалью расставания взглядом.

Ощущение обжигающей достоверности и особого обаяния только что ускользнувшей от нас старины (цыганское «ретро») сообщают страницам книги и многочисленные фотографии знаменитых певцов, певцов, плясуней, дирижеров второй половины XIX и всего XX века, главным образом из архива известного московского дирижера и собирателя Дмитрия Ивановича Иванова. Фотографии колоритны сами по себе, по антуражу, одежде, позам, метам времени, а надписи, сделанные на лицевой стороне снимков, занимающие почти все свободное от фигур пространство, довершают картину, заставляя вспомнить простодушный, наивный и бездонный мир Пиросманашвили. Надписи размахистые, не шибко грамотные, доносящие до нас аромат времени и среды.

Эта неповторимая галерея дегерротипов и фотографий, точнее, фотопортретов, снабженных эпическими надписями, — своеобразная сага цыганских хоров в России, о которых нам оставили слова благодарности и поклонения Пушкин и Языков, Баратын-

ский и Фет, Загоскин и Ап. Григорьев, Тургенев и Апухтин, Л. Толстой и Куприн, Блок («Божественная Вера Панина!») и Горький, Писемский и Гаршин, и несть им числа.

Ром-Лебедев — один из создателей театра «Ромэн», его признанный артист и «придворный» драматург, в иные времена — автор большинства репертуарных пьес этого театра. И хотя синтетическая природа театрального искусства как такового объемлет все другие искусства, автор книги далек от мысли о главенстве театра над песней и хоровым искусством. Вчитываясь внимательно в страницы «Ромэн», видишь хорошо, что этому театру не уйти от «союза» с песней, от ее свободного полета, от ее крыла, ее магии и тайн. Быть может, в этом и особая судьба театра «Ромэн», действительно единственного в мире, неповторимого: всегда идти и песне, после нескольких лет разлуки, с «повинной», всегда протягивать ей братскую руку. Песня почти всегда входила в самое дыхание этого театра.

В наши дни, так окрашенные вспышками национальной розни и вражды, книга Ром-Лебедева особенно привлекательна гуманностью и добротой, которые приходят на ее страницы не благостью, а воздаянием за честный профессиональный труд художников, привлекательна утверждением братства людей «разной» крови и различных языков. На этот счет в ней не найти ни высоких уверений, ни громких слов, ни лозунгов, а только убежденный, негромкий в старости голос патриарха — поистине патриарха! — голос благодарности множеству людей, которые были, были, согрели зритель своим искусством. А еще голос веры, что непременно придут новые мастера и жизнь, и театр и песня не прекнутся.

Это не мешает автору кни-

ги быть озабоченным. «Дальнейшая судьба театра вызывает у меня тревогу», — пишет он в заключительном абзаце своих мемуаров. В этих словах не брюзжание отошедшего от практических дел человека, а та же деятельная, созидательная тревога, которой была пронизана вся жизнь «Ромэн», от того дня в октябре 1930 года — ровно 60 лет тому назад, — когда усилиями энтузиастов и с помощью артистов московских театров была создана Студия Индо-Ромэнского (так она величалась в ту пору), цыганского театра, когда организационные хлопоты легли на плечи 27-летнего Ром-Лебедева, когда художественным руководителем студии был назначен талантливый актер, режиссер и педагог из московского ГОСЕТа Моисей Исаакович Гольдблат, а патроном, точнее, почетным членом организационной группы театра был избран Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

Усилия мастеров разных национальностей были отданы созданию цыганского театра. Культура народа, разметающегося по воле истории, да и по собственной гордой и упрямой воле, по городам и весям мира, обрела новый толчок и стимул.

Книга «От цыганских хоров до театра «Ромэн» — дельное свидетельство того, что усилия шести десятилетий не пропали даром, — песня жива.

Александр
БОРЩАГОВСКИЙ.